

Федор Ермошин Домашний патриотизм

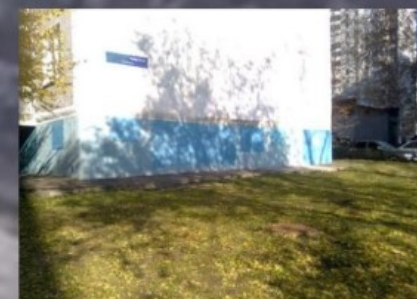

Говорить на тему «патриотизм» — опасно для самосознания, потому что в этом случае хочется повышать голос и градус дискуссии, противопоставлять («нас» — «чужим»). А мне это кажется лживым. Может, спасение как раз в том, чтобы говорить о частной «скамье у ворот». Мой патриотизм — это нечто очень личное, не требующее надрыва тельняхи.

Наверное, так: я патриот своей семьи, своих друзей, своего дела, любимых книг и фильмов. Я хотел быть патриотом государства, но для власть предержащих, увы, не существует народа, а есть — электорат. Быть патриотом маленькой нефтяной вышки у меня тоже уже не получится. И неохота. По той же причине: у «идеального менеджера» просто не может быть настоящих семьи и друзей (реплика одного преуспевающего: «Хорошо, что нет выходных. Иначе бы я спился»).

...Не могу я быть патриотом, вступившим в тот или иной «фронт национального спасения». Говорят, что если человек видит на улицах определенный процент инородцев, то ему кажется, что страну оккупировали, это уже на уровне психологического рефлекса.

Но когда мне рассказывают байку про «понаехавших», которые, никого не стеснясь, говорят: «Хороший город, только русских много», — возникает мысль: почему в России такая ненависть к чужакам, цепляющимся друг за друга, агрессивным и некультурным, но и такой раскол — среди «своих»? В какую маршрутку ни сядь, оттуда доносится уголовная музыка. Основной пафос «шансона» — ограбить ближнего, сесть и запеть: «Ментовская ты рожа...» Это ли не внутренняя оккупация, экспансия, развал? Где «ответ» на уровне культуры, на уровне негласных механизмов общности?

Поэтому я потихоньку становлюсь патриотом своего дома. Впрочем, и это может показаться смешным, идиотским — наивным.

Минувшей зимой, выйдя вечером из подъезда, я увидел, что какой-то мужик (кстати, вполне себе русский) лупит соседа бутылкой по спине и попе. Оба ползают по снегу в невменяемом состоянии. Лицо у бьющего — безумное, озверелое. Он уже переступил, он готов убить — как медведь над добычей.

Из другого подъезда вышел низенького роста дедок:

– Милицию надо вызывать! Это — сосед мой...

Какой-то прохожий пробегает, не оборачивается:

– Да какую милицию! — и испаряется, спрятав лицо.

Другой остановился на секунду:

– Не влезайте лучше, — и побежал дальше.

А мужик с бутылкой тем временем поплёр уже на дедка — приземистого, щуплого. Что — и мне убежать? Стыдно, хотя и хочется.

В конце концов, как-то удалось переманить на себя этого пьяного — поговорили, разошлись...

Дед:

– На моей памяти два термоядерных взрыва на Новой Земле. Но такого хамства, как сейчас — не встречал...

И хорошее, и ужасное в стране — начинается с дома.

...Под перестук колес попутчик с торжеством рассказывает, как тырил лифчики, трусы и шапки — вагонами. В таком случае не знаешь даже, как реагировать на его ликование. Он воодушевлен масштабами собственного воровства, возможного только здесь: отхватил так отхватил, всем родным и близким трусов досталось (тоже ведь своего рода «патриотизм»).

А вот другой случай. На площадке играют малыши. Какой-то человек, обивая сугробы ногами, ходит по кругу и кричит в мобильник, матерясь на весь двор. Женщина, которая шла мимо, услышала, остановилась: «Я житель этого микрорайона и не

позволю, чтобы у нас здесь стоял трехэтажный мат». Тот огрызнулся, но замолчал.

Это микроэпизод. Но он прорывает немоту безразличия хотя бы на микроуровне.

Дом сверху, на Google maps, виднеется как маленький квадратик, но ты знаешь его в мелочах, снизу, изнутри — со всеми проблемами и свершениями. Это человеческий масштаб, который сопротивляется любой привнесённой фальши и демагогии псевдопатриотов.

Возрождение народа, на мой взгляд, возможно только с верой. Вера не бывает ни белой, ни красной, ни желтой, ни коричневой, — либо она есть, либо её нет. Но и это тоже начинается на уровне семьи — «малой церкви», и только тогда вера скромна и верна.

Бог — в деталях. Часть отвечает за целое.

И такой частью страны должен стать мой Дом.

25 февраля — 15 марта 2010.

